

КРЫМ

Ну, есть ли край
на свете белом,
чтоб так из каждого угла
в упор История глядела –
то согревала бы,
то жгла!

И до чего же не пустяк, –
заслышав крик сивашских чаек,
в Крым торопясь,
почуять, как
всё нарастающе
крымчает.

ПОЭТ

*15 августа 1820 года А.С.Пушкин
в первый и последний раз посетил Керчь*

Здесь Пушкин был.
Далёким летним днём
здесь Пушкин был.
Сорвал цветок на память
и потерял.
И не жалел о том,
осыпав берег лёгкими следами!
Вдали остались зависть и вражда.
Вдали остались сплетни и доносы.

А здесь пылала синяя вода,
как пунш,
да парус реял альбатросом!
И разве кто-то
мог предположить,
что перед ним не просто соплеменник,
а будущего вечный старожил,
отживших
и неживших
современник!
И думал он, что снова век жесток.
И что в его империи любезной
приучен каждый помнить свой шесток.
И путь один.
И этот путь –
над бездной...
... Давно остыли лёгкие следы,
их занесло песками и годами,
и вечным светом пристальной звезды,
и столькими
невечными следами.
Но помнит море;
вдоль него поэт,
роняя свет,
идёт и юн, и весел,
улыбкой неба южного согрет.
А впереди –
совсем немного
весен...

* * *

Серебрятся обрывки сетей,
серебрится солёная пена,
и, засыпанный тенью ветвей,
остывает песок постепенно.
Серебристый и радостный блеск,
серебристый и радостный шелест –
это листьям с утра захотелось

как-то скрасить
твой близкий отъезд.
Серебром зазвенела труба
первой стаи
с холмов небосклона.
Я еще обнимаю тебя,
а вагон твой
уже у перрона...
Мы стоим на краю сентября,
и становится ясно отныне –
эти дни,
что полны серебра,
мы еще назовём
золотыми...

* * *

Подарка нет и не было щедрей,
чем вечный промельк
бедной птичьей тени, –
когда ты ей порадуешься
с теми,
кто радуется
радости
твоей.

* * *

Светло я вижу через годы,
и грусть, и гордость затая,
велосипедные походы –
дом на колёсах –
вся семья!
Бурлит ковыльный светлый ветер
над чёрным ковылём волос –
красива мама, батька весел,
и степь свистит из-под колёс!
Хохочут два азартных брата,
раскинув крыльями рули,

но к вечеру задумчив батя –
так серебрятся ковыли...
Как спицы, отсверкают годы.
Остынет след привольных трасс.
И смолкнут звонкие походы.
Но это – после.
А сейчас
Навстречу морю
брат смеется.
Все ветры Крыма бьют в лицо.
И за моей спиной
солнце,
как запасное колесо!

ВЕНОК

Станет мелкой
любая досада,
как сегодня
любая мелка –
перед грозной судьбою Десанта,
перед отсветом тихим
венка...
Он, как горечь потерь,
многотонен,
и уносит его катерок,
и пронзительно долго не тонет
на проливе
печальный венок.

* * *

За околицей лета –
полынь,
словно волосы бабушки Ани,
словно волосы бабушки Тани,
а над нею –
светающий клин.

За околицей лета –
стерня,
это – деды,
Трофим и Георгий,
на дороге, солёной и горькой,
не сумели дожждаться меня...
А над ней –
сострадающий клин,
осеняющий очи и окна,
где печаль затаилась глубоко,
не прощая жестокой земли...
А над каждым –
радеющий клин,
чтоб живые друг к другу приникли,
чтоб друг друга жалеть не отвыкли,
чтобы помнили тех, кто ушли...
И полынной былинкою мать
над родными крестами склонилась,
где трава, как последняя милость,
Скольким больше травы не топтать!..
То-то ветер так горек на вкус,
то-то сладостен запах полыни!
Клин прощальный ложится на курс –
это молодость мы
переплыли.

* * *

Старый двор,
засыпанный листвою,
помнит обо всех, кто не придёт...
Кто светился в нём живой звездой
днём и ночью
годы напролёт...
Свет в окне
и старая веранда,
худенькое деревце при ней.

На ветвях –
случайная награда –
стайка прежних, незабытых дней...
Поднимусь по вытертым ступеням,
злость и грусть оставляю позади,
и оттаёт что-то постепенно
в зябкой обезлюдевшей груди.
В доме выпью чаю. Поскучаю,
глядя в законный полумрак,
объясню задире попугаю,
что не он один такой дурак...
И пойду, глухой тоской обкраден,
вспоминать о радостях земли
к старой покосившейся ограде,
где лежат хорошие мои...
Отойдёт душа от лютой боли
у родимых плит
на склоне дня...
Вот и всё.
А в старом доме больше
некому молиться за меня.

* * *

Без вины виноватые вроде,
хмуря брови над каждым листом,
смотрим в Красную книгу природы,
словно в грустный
семейный альбом.
И за тех, что остались,
спасибо –
из большой бессловесной семьи.
«Чьи вы ? –
Спросит идущего
чибис.
Невозможно ответить:
«Свои!»

* * *

Это видели вечные звезды –
Время шло сквозь людей и сквозь дым.
Из одних оно сделало гвозди
и вогнало в ладони
другим.

* * *

Туман,
шагами не примятый,
сползает с гор.
Ещё темно...
И льётся запах росной мяты
ко мне в раскрытое окно.
На миг забыты все заботы.
Луна цветёт в сырой глуши.
Негромко прожитые годы
шумят, как в полночь камыши.
А звёзды, словно лягушата,
ныряют в степи без конца,
и не могу я надышаться
лиловым дымом чабреца.
И юные ветра,
как прежде,
взлетев над берегом,
поют.
И, хриплый клич трубя,
надежды
опять покоя не дают.

г. Керчь